

Олеся
ЛИСИЦКАЯ

БЕЛЫЙ ПЛЕН

—→ детективный роман ←—

Олеся Лисицкая

Белый плен

«Автор»

2026

Лисицкая О.

Белый плен / О. Лисицкая — «Автор», 2026

Швейцарские Альпы, 1937 год. Горный отель, отрезанный от мира снежной лавиной. Девять постояльцев. Один убийца. Анна Воронцова, студентка юридического факультета, оказывается в отеле случайно. Но лавина перекрыла дорогу, помощи ждать неоткуда. А утром в кресле у камина находят тело незнакомца. Анна — не детектив, но она читала слишком много Агаты Кристи, чтобы сидеть сложа руки. У каждого постояльца есть мотив. У каждого — своя тёмная тайна. Снег всё идёт. Убийца — среди них. И он не остановится. «Белый плен» — атмосферный детектив в стиле Агаты Кристи. История о мести, которая зрела двадцать пять лет. О тайнах, которые не умирают. И о девушке, которая поняла: иногда справедливость нужно вершить самой.

© Лисицкая О., 2026

© Автор, 2026

Олеся Лисицкая

Белый плен

Белый плен

«В горах никто не услышит твоих шагов.
Но кое-кто услышит твой страх»

Олеся Лисицкая
2026

Оглавление

- Глава 1. Не та станция
- Глава 2. Отель «Вайсхорн»
- Глава 3. Лавина
- Глава 4. Тело у камина
- Глава 5. Кто он?
- Глава 6. Допрос первый: портье
- Глава 7. Допрос второй: супруги Хейз
- Глава 8. Допрос третий: Генри Уолш
- Глава 9. Допрос четвёртый: фройляйн Кляйн
- Глава 10. Вторая жертва
- Глава 11. Мокрые ботинки
- Глава 12. Шифр
- Глава 13. Ловушка для убийцы
- Глава 14. Все в библиотеке
- Глава 15. Имя убийцы

Швейцарские Альпы, 1937 год. Горный отель «Вайсхорн», отрезанный от мира снежной лавиной. Девять постояльцев. Один убийца.

Анна Воронцова, студентка юридического факультета, оказывается в отеле случайно — поезд задержан из-за метели. Она планировала переночевать и ехать дальше. Но лавина перекрыла дорогу, телефонная линия оборвана, помощи ждать неоткуда. А утром в кресле у камина находят тело незнакомца.

Кто он? Как попал в отель? И кому понадобилось его убить?

Анна — не детектив, но она читала слишком много Агаты Кристи, чтобы сидеть сложа руки. Пока полиция не может добраться до отеля, она начинает собственное расследование. У каждого постояльца есть мотив. У каждого — своя тёмная тайна. Владелица отеля, чей муж погиб в горах десять лет назад — или не погиб? Портье с тёмным прошлым. Супруги, чей брак трещит по швам. Композитор, записывающая в нотной тетради не мелодии, а зашифрованные послания. Журналист, который не журналист. Горный проводник, который слишком много знает.

Снег всё идёт. Убийца — среди них. И он не остановится.

«Белый плен» — атмосферный детектив в стиле Агаты Кристи. Замкнутое пространство, ограниченный круг подозреваемых, неожиданная развязка. История о мести, которая зрела двадцать пять лет. О тайнах, которые не умирают. И о девушке, которая поняла: иногда справедливость нужно вершить самой.

ГЛАВА 1. НЕ ТА СТАНЦИЯ

Поезд замедлил ход, и Анна проснулась.

Стук колёс, который последние три часа убаюкивал её мерным ритмом, стал реже, мягче, а потом и вовсе стих. За окном вагона первого класса не было видно ничего, кроме белой пелены. Снег падал густо, залепляя стекло, и казалось, что поезд плывёт сквозь облако — медленно, осторожно, как корабль в тумане.

Анна потянулась, поправила съехавший на плечо шерстяной плед, и взглянула на маленькие золотые часики на запястье — подарок отца на окончание первого курса. Четыре пополу-дни. Стрелки двигались лениво, будто тоже замёрзли. По расписанию она должна была при-быть в Цюрих к вечеру, пересесть на ночной экспресс до Берна, а к утру уже обнимать тётю Марту на пороге её уютного дома с геранью на окнах. Но что-то пошло не так. В горах всегда что-то идёт не так — это Анна знала с детства.

Она помнила, как отец рассказывал ей о своих экспедициях. Он был геологом, вечно пропадал в горах — то на Урале, то в Карпатах, то где-то в Средней Азии. Возвращался загоре-лый, обветренный, с рюкзаком, полным камней, и с историями, от которых у маленькой Анны захватывало дух. «Горы, Анечка, — говорил он, сажая её на колени, — это место, где человек остаётся наедине с собой. Там нет масок. Там всё настоящее». Тогда она не понимала, что он имеет в виду. Сейчас, глядя на снежную стену за окном, кажется, начинала понимать.

— Дамы и господа, — раздался голос проводника из коридора, усиленный жестяным рупором, — в связи с погодными условиями поезд делает вынужденную остановку на станции Визен. Повторяю: станция Визен. Просим пассажиров, следующих далее, пересесть на альтер-нативный транспорт. Приносим извинения за временные неудобства. Альтернативный транс-порт ожидает на площади.

Визен. Анна никогда не слышала этого названия. Она вообще плохо знала эту часть Альп — только по картам, которые любила разглядывать в детстве, лёжа на ковре в отцовском каби-нете. Карты были старые, ещё довоенные, с вытертыми сгибами и пометками карандашом. Отец чертил на них маршруты, а Анна водила пальцем по извилистым линиям и представ-ляла себя великой путешественницей. Визена на тех картах не было. Значит, станция совсем маленькая.

Она вздохнула и принялась собирать вещи. Это заняло немного времени: Анна путе-шествовала налегке. Небольшой кожаный чемодан с монограммой «А.В.» (подарок мамы на совершеннолетие), саквояж, в котором лежали книга, перчатки, флакончик лавандовой воды и серебряная пудреница, пальто из серого твида и ненавистная шляпка с вуалью. Последнюю мама буквально силой всучила ей перед отъездом: «Ты едешь в Швейцарию, Анечка, а не в лагерь скаутов. Будь добра выглядеть как леди». Анна терпеть не могла шляпки. Они посто-янно сползали, цеплялись за волосы и мешали смотреть по сторонам. Но маме перечить было сложнее, чем носить шляпку.

Она надела пальто, застегнула все пуговицы, поправила воротник и вышла в коридор. Там уже толпились пассажиры — кто-то возмущался, кто-то зевал, кто-то нервно курил, стряхивая пепел прямо на ковровую дорожку. Анна протиснулась к выходу и ступила на перрон.

Станция оказалась именно такой, какой она её себе представляла. Крошечной. Затерян-ной. Словно бы игрушечной. Одноэтажное здание из серого камня, крытое красной черепицей, которую снег почти полностью скрыл под белой шапкой. Над перроном висел фонарь — он мигал и тихо гудел на ветру, отбрасывая на снег дрожащий жёлтый круг. На деревянной таб-личке под козырьком значилось: «Wiesen». И больше ничего. Ни кассы, ни буфета, ни носиль-щика. Только снег, горы и тишина.

Анна огляделась. Кроме неё, из поезда вышли ещё трое. Пожилая пара — мужчина в добротном твидовом пальто и дама в меховой накидке, — которые тут же скрылись за дверью вокзала, о чём-то переговариваясь вполголоса. И высокий мужчина в сером пальто с поднятым воротником. Он быстро, не оглядываясь, пересёк перрон и растворился в снежной мгле, даже не взглянув на Анну.

Она осталась одна.

Снег падал и падал — крупными, пушистыми хлопьями, которые таяли на щеках и ресницах. Тишина стояла такая глубокая, что звон в ушах казался громче поездного гудка. Анна поёжилась. Холод пробирался под пальто, заставляя мышцы напрягаться. «И зачем я только согласилась на эту поездку?» — мелькнула мысль. Но она знала зачем. Тётя Марта была её любимой родственницей — эксцентричной, весёлой, не похожей на чопорную маму. Она присылала Анне открытки из всех уголков Европы и подписывала их: «Жду тебя, моя дорогая детективщица!». Да, тётя Марта знала о её увлечении детективами. Знала и поощряла.

Анна уже собралась зайти внутрь вокзала — не мёрзнуть же на перроне, в самом деле, — когда услышала скрип полозьев.

Из-за поворота, из белой пелены, выехали сани. Самые настоящие — деревянные, с высокими резными бортами, запряжённые парой гнедых лошадей. Их гривы были покрыты инеем, из ноздрей вырывался пар. На козлах сидел мужчина, закутанный в тулуп. Меховая шапка надвинута до самых бровей, усы — в сосульках, а глаза — неожиданно молодые и живые, светло-серые, как талая вода.

— Вы мисс Воронцова? — спросил он, натягивая поводья. Голос был хриловатый, но приятный. Акцент — не то французский, не то местный, альпийский. Анна не могла точно определить. Она вообще плохо разбиралась в языках, в отличие от права — там она чувствовала себя как рыба в воде.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы зубы не стучали от холода. — А вы, простите...

— Меня прислали из отеля. Поездов сегодня больше не будет. Дорогу заметает. Метель только начинается, а к ночи будет такая, что носа не высунешь.

Он замолчал, оценивающе глядя на Анну. Потом усмехнулся в усы — и улыбка у него оказалась открытая, немного смущённая, как у человека, который редко видит людей и отвык от общения, но всё ещё помнит, как быть вежливым.

— У нас есть комнаты, — добавил он. — Тёплые. И ужин. Мадам Дюбуа не любит, когда гости остаются голодными.

— Отель? — Анна нахмурилась. — Я не заказывала отель. Я вообще-то ехала в Берн.

— Знаю. Но ночевать на станции нельзя. Печку здесь не топят уже месяц — некому. А до ближайшего города вы сегодня не доберётесь, даже если бы у вас были крылья. Перевал закрыт. Так что... — он развёл руками, всё ещё улыбаясь. — Добро пожаловать в «Вайсхорн».

«Вайсхорн». Белый рог. Анна мысленно перевела название. Звучало внушительно. И немного пугающе.

Она колебалась ровно три секунды. Вспомнила совет отца — «В горах никогда не отказывайся от крова, дочка. Никогда. Даже если он кажется тебе подозрительным». И ещё — его рассказ о том, как он сам однажды переночевал в заброшенной хижине и наутро обнаружил, что она была не такой уж заброшенной. Но это совсем другая история.

— Хорошо, — сказала Анна. — Я еду.

Мужчина кивнул и протянул ей руку, помогая забраться в сани. Рука была крепкая, мозолистая — явно привыкшая к тяжёлой работе. Анна села, укуталась в предложенный плед из грубой овечьей шерсти и поставила чемодан в ноги. Проводник — или кто он там был — взмахнул вожжами, и лошади тронулись.

Станция исчезла за пеленой снега почти мгновенно. Как будто её и не было.

Вокруг был только лес. Тёмный, молчаливый, укутанный в белое. Ели стояли, как часовые, отяжелевшие от снега ветви клонились к земле. Сани скользили почти бесшумно, только полозья поскрипывали да лошади иногда всхрапывали, встряхивая головами. Анна куталась в плед и думала, что таких мест она ещё не видела. Всё было каким-то нереальным, как на рождественской открытке. Или во сне — том самом, из которого не хочется просыпаться, потому что он слишком красив, чтобы быть правдой.

— Далеко ехать? — спросила она, чтобы нарушить молчание.

— Полчаса. Может, больше. Смотри как лошади пойдут. Дорога сегодня тяжёлая — снег глубокий.

— Вы часто так? Возите гостей?

— Нет, — он покачал головой. — Я горный проводник. И охотник. В основном вожу альпинистов. Но сейчас не сезон. А мадам Дюбуа попросила помочь — у неё портье один, а гостей надо встречать. Она хорошая женщина. Строгая, но справедливая.

— Мадам Дюбуа, — повторила Анна. Имя звучало как название дорогих духов или какого-нибудь сорта французского сыра. — А вы? Как вас зовут?

— Пьер, — ответил он, не оборачиваясь. — Пьер Леклерк.

— Француз?

— Наполовину. Мать — местная. Отец — из Лиона. — Он помолчал. — А вы, мисс, издалека?

— Из Англии. Ну, почти. Я там учусь сейчас. А родилась в России.

Пьер кивнул, но ничего не сказал. Может быть, ему было всё равно. А может быть, он просто не знал, что сказать. Анна заметила, что он вообще говорит мало, но каждое слово будто взвешивает. Привычка горного жителя — здесь слова уносит ветром, а поступки остаются.

Дорога пошла вверх. Лес расступился, и впереди показался отель.

Анна невольно ахнула.

«Вайсхорн» стоял на склоне горы, как замок из сказки братьев Гримм. Четыре этажа, мансарда под остроконечной крышей, десятки окон, светящихся в сумерках тёплым жёлтым и оранжевым светом. Фасад был отделан тёмным деревом и камнем, балконы опоясывали второй и третий этажи. Над массивной дубовой дверью — деревянная вывеска с искусно вырезанным горным козлом. Его рога были покрыты инеем, и в свете фонарей он казался живым.

Вокруг — ни души. Только горы. Только снег. Только тишина.

— Приехали, — сказал Пьер, натягивая поводья.

Сани остановились у крыльца. Анна выбралась, чувствуя, как замёрзшие ноги не сразу слушаются. Она поправила шляпку, которая, как всегда, сползла набок, и замерла, глядя на отель.

Он был прекрасен. Бесспорно. Но что-то в нём тревожило. Может быть, тишина — слишком глубокая для места, где живут люди. Может быть, ощущение, что из окон за ней наблюдают — пристально, не мигая. Анна обвела взглядом фасад. В одном из окон второго этажа колыхнулась штора. Или ей показалось?

— Прошу, — Пьер указал на дверь

Анна тряхнула головой, отгоняя глупые мысли. «Ты просто устала, — сказала она себе. — Это просто отель. Обычный горный отель. И незачем тут мерещиться всякие ужасы». Она поправила саквояж и направилась к входу.

Дверь открылась раньше, чем она успела взяться за ручку.

На пороге стоял мужчина. Высокий, худощавый, с бледным, почти бескровным лицом и тёмными глазами, которые, казалось, смотрели сквозь неё. Чёрный костюм сидел на нём безупречно, как на манекене. Волосы зачёсаны назад и прилизаны. На левой руке — серебряный перстень с тёмным камнем.

— Добрый вечер, — произнёс он бесцветным голосом. — Вы мисс Воронцова?

— Да, — Анна постаралась, чтобы её голос звучал уверенно.

— Мадам Дюбуа предупреждена. Меня зовут Клаус. Я портье. Прошу.

Он отступил, пропуская её внутрь. Анна вошла.

Холл отеля поража́л воображение. Высокий потолок с деревянными балками, огромный камин, в котором пылал огонь, отбрасывая пляшущие тени на стены. Пол из тёмного полированного дерева. Тяжёлые бархатные шторы цвета бордо. На стенах — картины в золочёных рамках: горные пейзажи, портреты каких-то суровых мужчин и женщин в старомодных платьях. В углу — напольные часы, которые мерно тикали, отсчитывая секунды.

Пахло деревом, воском для мебели и чем-то сладким — кажется, ванилью или миндалём. И ещё — едва уловимо — дымом от камина.

— Ваш номер на втором этаже, — сказал Клаус, протягивая ей ключ. Тяжёлый, латунный, с номером «7». — Ужин в восемь. Мадам Дюбуа просит не опаздывать. Она ценит пунктуальность.

— Благодарю, — Анна взяла ключ и направилась к лестнице.

Лестница была широкая, устланная ковровой дорожкой с вытертым узором. Перила — резные, тёмного дерева. Ступени тихо поскрипывали под ногами, и этот скрип эхом разносился по холлу. Анна поднялась на второй этаж и пошла по коридору, разглядывая номера на дверях. Четыре. Пять. Шесть. Семь.

Она отперла дверь и вошла.

Номер был небольшим, но уютным. Кровать с латунными шишечками, застеленная белоснежным бельём. Письменный стол у окна, за которым не было видно ничего, кроме снега. Платяной шкаф. Умывальник с фарфоровым кувшином. На тумбочке — керосиновая лампа. Анна зажгла её. Свет залил комнату тёплым золотом, и сразу стало немного спокойнее.

Она поставила чемодан у шкафа, сняла пальто, повесила на спинку стула. Шляпку — туда же. Подошла к окну. За стеклом была только белая стена снега. Ничего не разглядеть. Анна прижалась лбом к холодному стеклу и попыталась представить, что там, снаружи. Горы. Лес. Тропа, по которой она приехала. И — ни души на много миль вокруг.

Она села на кровать и почему-то вспомнила строчку из книги, которую читала в поезде: «Убийца всегда находится в самой неожиданной близости. Чаще всего — в соседней комнате». Агата Кристи умела создавать настроение.

— Глупости, — сказала Анна вслух. — Какие убийцы? Это просто отель.

Собственный голос прозвучал не очень убедительно.

Она достала из саквояжа книгу, открыла на заложенной странице и попыталась читать. Но буквы расплывались перед глазами. Мысли путались. Внизу, в холле, послышались голоса. Кто-то спорил. Женский голос — резкий, почти истеричный, с английским акцентом. И мужской — глухой, успокаивающий, тоже английский.

— Я не могу здесь оставаться! — донёсся обрывок фразы. — Ты обещал, Эдвард!

— Тише, Маргарет, тише. Ты привлекаешь внимание.

— Мне всё равно! Я хочу уехать. Немедленно.

— Ты знаешь, что это невозможно. Перевал закрыт. Пожалуйста, возьми себя в руки.

Голоса стихли. Хлопнула дверь. Анна поняла, что стоит у двери и прислушивается. Она отступила и покачала головой. Неприлично подслушивать. Но любопытство — с ним ничего не поделаешь.

Она снова села на кровать. И в этот момент в коридоре раздались шаги. Тяжёлые, медленные. Кто-то шёл по коридору — мимо двери номер четыре, пять, шесть — и остановился прямо напротив её номера.

Анна замерла.

Тишина. Секунда. Две. Три.

Она смотрела на дверь. Под дверью горела полоска света из коридора, и эту полоску пересекала тень. Кто-то стоял там. Прямо за дверью. И, кажется, слушал.

Шаги раздались снова — теперь они удалялись. Анна выдохнула и поняла, что всё это время не дышала. Сердце колотилось где-то в горле. Она подошла к двери и заперла её на ключ.

«Прекрати, — сказала она себе, глядя в зеркало над умывальником. — Ты взрослая женщина. Почти юрист. Ты не веришь в привидения. Ты просто устала с дороги».

Отражение в зеркале смотрело на неё с сомнением.

Она вернулась к кровати, легла не раздеваясь и уставилась в потолок. Сон не шёл. За окном выл ветер. Где-то внизу, в камине, потрескивали дрова. И тишина — тяжёлая, как снег за окном, — давила на уши.

Анна не знала, сколько прошло времени, когда она наконец провалилась в сон. Тревожный, обрывочный. Ей снились горы. Огромные, чёрные, без снега. И кто-то звал её по имени.

А утром всё изменилось.

ГЛАВА 2. ОТЕЛЬ «ВАЙСХОРН»

Анна проснулась от холода.

Не от того холода, который пробирается под одеяло и заставляет ёжиться, а от того, который идёт изнутри — от неясной тревоги, поселившейся где-то под сердцем ещё вчера и за ночь успевшей пустить корни. Она открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок. Белый. С лепниной по углам. Незнакомый.

Потом всё вспомнила. Поезд. Станция. Сани Пьера. Отель. Шаги за дверью.

Анна села на кровати и огляделась. В комнате было светло — снег за окном отражал утреннее солнце, и свет был рассеянный, мягкий, как на картинах импрессионистов. Керосиновая лампа на тумбочке погасла, и стекло запотело. Часы на запястье показывали начало восьмого. Анна встала, потянулась и подошла к окну.

За ночь ничего не изменилось. Снег всё так же падал — теперь мельче, но гуще, и ветер гнал белую крупу вдоль склона. Дороги видно не было. Вообще ничего не было видно, кроме снега и смутных очертаний елей внизу. Мир за окном казался нарисованным белой краской по серому холсту. Анна поёжилась и отошла от окна.

Она умылась ледяной водой из кувшина, причесалась, надела свежую блузку и то же серое твидовое пальто — другого всё равно не было. Шляпку она решила оставить в номере. В конце концов, мама не узнает. А если узнает — что ж, они в горах, здесь не до манер.

В дверь постучали.

Анна вздрогнула. Вчерашний страх ещё не до конца выветрился. Она подошла к двери и спросила:

— Кто там?

— Клаус, портье. Мадам Дюбуа приглашает вас на завтрак. Он сервирован в малой столовой на первом этаже.

Голос был тот же — бесцветный, ровный. Как у человека, который давно не испытывает никаких эмоций, или хорошо их скрывает.

— Благодарю, — ответила Анна. — Я сейчас спущусь.

Шаги удалились. Анна подождала несколько секунд, отперла дверь и выглянула в коридор. Пусто. Она выдохнула.

Коридор днём выглядел иначе, чем ночью. Свет из окон в торце заливал его ровным серым сиянием, и вчерашние тени отступили. Анна заметила то, на что не обратила внимания в темноте: стены были обиты тёмным деревом, а вдоль них стояли узкие столики с фарфоровыми вазами. В вазах — засушенные горные цветы. Эдельвейсы. Анна узнала их по рассказам отца:

«Самый чистый цветок, Анечка. Растёт только высоко в горах. Там, где воздух прозрачный, а люди — настоящие».

Она спустилась по лестнице в холл.

Здесь тоже было светлее, чем вчера. Огонь в камине уже горел, и от него шло приятное тепло. Напольные часы всё так же тикали. В углу, в глубоком кожаном кресле, сидела женщина, которую Анна не заметила вчера.

Женщина была немолода — лет сорока, может, чуть больше. Одета в тёмно-синее платье с глухим воротом, волосы убраны в строгий пучок. На коленях — кожаная папка для нот и перьевая ручка. Она что-то писала, низко склонившись над бумагой, и не подняла головы, когда Анна прошла мимо. Только рука с ручкой на секунду замерла, а потом продолжила выводить неровные строчки.

Анна хотела поздороваться, но что-то в позе этой женщины остановило её. Такая сосредоточенность, такое напряжение чувствовалось в каждом движении, что прерывать казалось почти преступлением.

Малая столовая находилась справа от холла. Анна толкнула дверь и вошла.

Комната была небольшой, но уютной. Длинный стол, накрытый белой скатертью, человек на восемь. Фарфор, серебро, салфетки, сложенные веером. На буфете — кофейник, чайник, корзинка со свежими булочками, масло, джем, сыр. За столом уже сидели двое.

Пожилая пара. Те самые, что вышли с ней на станции Визен.

Мужчина — лет пятидесяти пяти, подтянутый, с седыми висками и аккуратно подстриженными усами. Одет в безупречный твидовый костюм, при галстуке. Он держал в руках газету — старую, по виду вчерашнюю или даже позавчерашнюю, — и делал вид, что читает. Но Анна заметила: глаза его не двигаются по строчкам. Он смотрит сквозь газету.

Дама — его жена, Анна сразу поняла это по тому, как они сидели, чуть повёрнутые друг к другу, но при этом напряжённо отстранённые. Она была моложе мужа, но не намного. Светлые волосы уложены волнами, на шее — нитка жемчуга, которая, казалось, душила её. Она нервно крошила булочку на мелкие кусочки, не поднося ни одного ко рту. Пальцы её дрожали.

— Доброе утро, — сказала Анна, входя.

Мужчина отложил газету и привстал. Вежливость, доведённая до автоматизма.

— Доброе утро, мисс...?

— Воронцова. Анна Воронцова.

— Эдвард Хейз, — он слегка поклонился. — Моя жена, Маргарет.

Маргарет подняла глаза. Они были бледно-голубые, почти прозрачные, и в них стояла такая тревога, что Анне стало не по себе.

— Очень приятно, — сказала Маргарет. Голос был тихим и надтреснутым. — Вы тоже застряли здесь?

— Похоже на то, — Анна села напротив и потянулась за кофейником. — Я ехала в Берн.

— Мы тоже, — Эдвард Хейз сложил газету. — Вернее, мы ехали в Цюрих, а оттуда должны были лететь в Лондон. Но погода, как видите, внесла коррективы.

— Вы англичане? — спросила Анна, хотя акцент уже выдал их.

— Да. Из Суррея. Путешествуем. Вернее... — он осёкся и взглянул на жену. — Отдыхаем.

Маргарет ничего не сказала. Она продолжала крошить булочку. Крошки уже покрывали всю тарелку. Анна заметила, что на её руке, чуть выше запястья, виднелся синяк — жёлтый, старый, но всё ещё заметный. Маргарет, поймав её взгляд, поспешно одёрнула рукав и опустила глаза.

Завтрак продолжался в молчании. Анна пила кофе и думала. Ей не нравилось то, что она видела. Супруги Хейз явно что-то скрывали. И это «что-то» явно не делало их счастливее.

— Вы давно здесь? — спросила Анна, чтобы нарушить неловкую тишину.

— Третий день, — ответил Эдвард. — Мы приехали ещё до лавины. Хотели провести здесь неделю. Тишина, горы, свежий воздух. Маргарет доктора рекомендовали...

— Эдвард! — резко перебила его жена. В её голосе звякнул металл. — Мисс Воронцовой неинтересны мои медицинские подробности.

Эдвард осёкся. На его лице промелькнуло выражение — смесь вины и раздражения. Он снова взял газету и спрятался за ней.

Анна сделала глоток кофе. Он был горький и обжигающий.

В этот момент дверь столовой распахнулась, и на пороге появился новый персонаж.

Это был мужчина лет тридцати. Высокий, широкоплечий, с открытым лицом и обаятельной улыбкой, которая, казалось, озаряла комнату ярче камина. Светлые волосы слегка растрёпаны, на подбородке — лёгкая небритость. Одет он был небрежно, но дорого: светлая рубашка без галстука, пиджак из хорошей шерсти, на ногах — кожаные ботинки, какие носят заядлые путешественники.

— Доброе утро, дамы и господа! — провозгласил он с американским акцентом. — Надеюсь, кофе ещё остался? Потому что я готов убить за чашку кофе. Буквально.

Он рассмеялся собственной шутке и направился к буфету.

— Генри Уолш, — представился он, плюхаясь на стул рядом с Анной. — Журналист. Из Нью-Йорка. Пишу для «Трэвел Мэгэзин». Статья о горных отелях Европы. Предполагалось, что это будет уютный, тёплый материал. Но, кажется, я получу триллер. Лавина, снег, отсутствие связи — это же готовый сюжет для романа, а?

Он говорил легко, быстро, перескакивая с темы на тему. Анна сразу обратила внимание на его руки — они были в постоянном движении: то поправляли вилку, то перекладывали салфетку, то постукивали по столу. И ещё она заметила: пока он завтракал, его глаза ни на секунду не оставались в покое. Он сканировал комнату. Каждого сидящего. Каждую деталь.

— А вы, мисс...?

— Воронцова. Анна.

— Анна! Прекрасное имя. Русское, верно? У меня была статья о России. «Медведи, водка и балалайка» называлась. Редактор завернул — сказал, стереотипы. — Он усмехнулся. — А вы здесь какими судьбами?

— Проездом. Как и все.

— Как и все, — повторил он, и на секунду его улыбка стала другой — не журналистской, не профессиональной, а какой-то изучающей. — Кроме одного человека.

— Что вы имеете в виду? — спросила Анна.

— Ну как же. Один из постояльцев здесь не проездом. Он здесь по делу. Или по чьей-то воле.

— Кто?

Генри пожал плечами и откусил булочку.

— Понятия не имею. Но в таких местах всегда есть кто-то, кто знает больше, чем говорит. Или вы не замечали?

Анна не ответила. Она смотрела на Генри и думала: «Слишком обаятельный. Слишком любопытный. И слишком много знает для человека, который просто застрял здесь из-за снега».

Завтрак подходил к концу. Эдвард и Маргарет встали и, извинившись, вышли. Генри допил кофе и, хлопнув себя по коленям, поднялся.

— Ну что ж, Анна Воронцова, — сказал он. — Похоже, мы с вами застряли здесь надолго. Может, вместе проведём расследование?

— Какое расследование?

— Самое интересное, — он подмигнул. — Расследование тайн отеля «Вайсхорн».

И вышел, насвистывая.

Анна осталась одна. Она сидела в пустой столовой и смотрела на крошки, оставшиеся на тарелке Маргарет Хейз. Мысли путались. Слишком много странных людей для одного маленького отеля. Слишком много недосказанностей.

Она допила кофе — он уже совсем остыл — и решила осмотреть отель. В конце концов, если ей предстоит застрять здесь на несколько дней, нужно хотя бы знать, где что находится.

Она вышла из столовой и направилась в холл. Женщина в кресле по-прежнему сидела там — всё так же склонившись над нотами. Теперь Анна разглядела её лучше. У неё было бледное, почти аскетичное лицо, тонкие губы, тёмные брови вразлёт. На вид — лет сорок. Но что-то в ней казалось старше — может быть, взгляд. Или осанка. Или то, как она держала ручку — цепко, будто боялась, что её отнимут.

— Доброе утро, — решила Анна.

Женщина подняла голову. Глаза у неё были тёмные, почти чёрные, и смотрели они с той особой пронизательностью, которая свойственна либо очень умным людям, либо очень опасным.

— Доброе, — ответила она с сильным акцентом. Австрийским или немецким — Анна не разобрала. — Вы новенькая.

— Да. Приехала вчера вечером.

— Я слышала. — Она закрыла папку, но недостаточно быстро, и Анна успела заметить: на страницах были не ноты. Какие-то значки. Странные, не похожие на музыкальную грамоту. — Меня зовут фройляйн Кляйн. Ида Кляйн.

— Композитор?

— Можно и так сказать. — Она чуть улыбнулась, и улыбка эта была холодной. — Я пишу музыку. Работаю над симфонией. Тишина гор способствует творчеству.

— Понимаю, — кивнула Анна, хотя не понимала. Ей казалось, что человек, пишущий музыку, должен быть более... тёплым? Эмоциональным? Но фройляйн Кляйн была похожа на скрипку, которую забыли настроить: всё правильно, а звук не тот.

— Вы надолго? — спросила Ида.

— Как и все. Пока не расчистят дорогу.

— Дорогу? — фройляйн Кляйн усмехнулась. — Милая моя, вы ещё не поняли? Дорогу здесь расчищают не всегда. Иногда горы решают, кто уедет, а кто останется. Навсегда.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она хотела спросить, что Ида имеет в виду, но та уже снова открыла папку и углубилась в свои записи. Разговор был окончен.

Анна прошла дальше. За холлом начинался коридор, ведущий в библиотеку. Она заглянула туда.

Библиотека была прекрасна. Высокие стеллажи, уходящие под потолок. Тысячи книг в кожаных переплётах с золотым тиснением. Массивный стол посреди комнаты. Кресла. Торшеры. И камин — второй в этом отеле, поменьше, но такой же жаркий.

У камина стоял Пьер Леклерк.

Он не заметил Анну — стоял спиной к двери и смотрел на огонь. В руке он держал что-то маленькое, блестящее. Медальон? Часы? Анна не успела разглядеть — Пьер услышал её шаги и резко обернулся. Рука сжалась в кулак, пряча предмет.

— А, мисс Воронцова, — сказал он. Голос был спокойным, но Анна заметила: он напряжён. — Как спалось?

— Спасибо, хорошо. — Она сделала вид, что не заметила его резкого движения. — А вы что, тоже живёте в отеле?

— Нет. Я живу в деревне ниже по склону. Но из-за лавины мадам Дюбуа разрешила мне остаться. Сказала — лишние руки не помешают.

— А где вы были сегодня ночью?

Вопрос вырвался сам собой. Анна тут же пожалела о нём — он прозвучал слишком прямо, почти как допрос.

Пьер прищурился.

— Спал. В комнате для персонала. А что?

— Нет, ничего. Просто... Мне показалось, кто-то ходил по коридору ночью.

— Вам показалось, — сказал он твёрдо. — В этом отеле по ночам все спят. Кроме, может быть, привидений.

Он улыбнулся, но улыбка вышла натянутой. Анна поняла, что разговор окончен, и вышла из библиотеки.

Остаток утра она провела, бродя по отелю. Осмотрела второй этаж — там были только номера. Третий — тоже. На четвёртом этаже, в мансарде, обнаружилась запертая дверь. Анна подёргала ручку — бесполезно. Приложила ухо — тишина.

— Туда нельзя, — раздался голос за спиной.

Анна вздрогнула и обернулась. Клаус стоял в конце коридора — бледный, неподвижный, как статуя.

— Почему?

— Там личные покои мадам Дюбуа. Она не любит гостей в этой части дома.

— Простите, я не знала.

— Теперь знаете. — Он развернулся и бесшумно исчез.

Анна спустилась обратно в холл. День тянулся медленно. За окнами падал снег. Часы тикали. Где-то наверху, в одном из номеров, снова спорили Эдвард и Маргарет — их приглушённые голоса доносились сквозь перекрытия. Анна села у камина и попыталась читать.

Но сосредоточиться не получалось. Слишком много вопросов. Слишком много странностей.

Почему Генри Уолш, журналист, так внимательно всех разглядывает? Почему Маргарет Хейз нервничает и прячет синяки? Что за значки в тетради фройляйн Кляйн? Что прятал Пьер в библиотеке? И почему Клаус смотрит на неё так, будто знает что-то, чего она сама о себе не знает?

И главное — что это за шаги она слышала ночью? Кто стоял за её дверью? И зачем?

Анна закрыла книгу и уставилась в огонь. В голове крутилась одна фраза — та самая, которую она прочитала вчера в поезде: «Убийца всегда находится в самой неожиданной близости».

Она покачала головой. Глупости. Нет никаких оснований думать о плохом. Просто старый отель. Просто странные люди. Просто совпадения.

Но где-то глубоко внутри она уже знала: что-то случится. Что-то, что изменит всё.

За окнами выл ветер. Снег всё падал и падал. И отель «Вайсхорн» держал своих гостей в белом плену, не обещая скорого освобождения.

ГЛАВА 3. ЛАВИНА

День тянулся бесконечно.

Анна провела его, слоняясь по отелю, как зверь в клетке. Она пыталась читать, но буквы расплзались перед глазами. Пыталась писать письмо тёте Марте — но о чём писать? «Дорогая тётя, я застряла в отеле, где все ведут себя так, будто скрывают по меньшей мере по одному трупу в шкафу. Надеюсь, скоро увидимся. Целую, Анна». Нет, такое письмо лучше не отправлять. Да и отправить его всё равно было нельзя — телефонная линия молчала, а дорога была погребена под тоннами снега.

Она попыталась заговорить с Маргарет Хейз, но та лишь покачала головой и заперлась в своём номере. Эдвард Хейз сидел в холле с газетой и делал вид, что читает — Анна уже поняла, что это его привычная маска. Генри Уолш куда-то исчез сразу после завтрака. Пьер Леклерк ушёл проверять лошадей. Фройляйн Кляйн не покидала своего кресла, но на все вопросы отвечала односложно, не отрываясь от своей загадочной нотной тетради.

К вечеру Анна знала отель наизусть.

Она знала, что на втором этаже семь номеров, и в них живут: она сама (номер 7), супруги Хейз (номер 4), Генри Уолш (номер 2) и фройляйн Кляйн (номер 5). Номера 1, 3 и 6 пустовали. На третьем этаже было ещё шесть номеров, но все они стояли запертыми — мёртвый сезон. Комната Клауса находилась в конце коридора первого этажа, рядом с кухней. Пьеру выделили каморку рядом с кладовой. Мадам Дюбуа занимала четвёртый этаж, мансарду — ту самую запертую дверь, к которой Анна пыталась подойти утром.

Она знала расположение всех комнат. Знала, где находится библиотека, малая столовая, большая столовая (закрытая на зиму), курительная комната, зимний сад (три пальмы в кадках и сломанный фонтан), кухня, кладовая, чулан для лыж.

Она знала, что в холле есть напольные часы, которые бьют каждые полчаса. Что третья ступенька на лестнице скрипит громче остальных. Что из окна в конце коридора второго этажа виден не только склон, но и край ледника, если присмотреться.

Она знала отель. Но она не знала его тайн.

И чем больше она узнавала, тем сильнее ей казалось, что тайны здесь повсюду — они прячутся в складках бархатных штор, в трещинах старого дерева, в молчании постояльцев, в том, как они смотрят друг на друга, когда думают, что никто не видит.

Обед прошёл в той же малой столовой, что и завтрак. Подавала горничная — молодая девушка, которую Анна раньше не видела. Клаус представил её как Хельгу, племянницу мадам Дюбуа, которая помогала на кухне. Хельга была молчалива и пуглива, как лань, — ставила тарелки и тут же исчезала. Анна попыталась с ней заговорить, но девушка лишь испуганно взглянула на неё и пробормотала что-то на местном диалекте, чего Анна не поняла.

За обедом Анна заметила ещё одну странность.

Фройляйн Кляйн сидела на своём обычном месте — в кресле у камина. Но когда горничная проходила мимо, Ида чуть заметно кивнула ей, и Хельга, не сказав ни слова, сунула ей в руку сложенную записку. Всё это произошло за долю секунды — Анна едва успела заметить. Но она заметила. И сделала мысленную пометку.

После обеда она вышла на террасу.

Терраса огибала отель с западной стороны. Летом здесь, наверное, стояли столики и шезлонги, и гости пили лимонад, глядя на вершины. Сейчас терраса была пуста и заметена снегом почти по пояс. Анна постояла несколько минут, кутаясь в пальто. Холод пробирал до костей, но воздух был чистым и острым, как лезвие. Где-то вдалеке, в белой мгле, угадывались вершины — неприступные, равнодушные, вечные.

И вдруг она услышала голоса.

Два человека разговаривали за углом террасы, там, где начиналась хозяйственная пристройка. Анна не видела их, но голоса доносились отчётливо — мужской и женский. Женский она узнала сразу: резкий, гортанный, с сильным австрийским акцентом. Фройляйн Кляйн.

— Ты должен сделать это сегодня, — говорила она. — Сегодня ночью. Завтра может быть поздно.

— Я не могу, — отвечал мужской голос. — Мадам Дюбуа заподозрит. Она уже спрашивала меня. Что-то она знает.

— Ничего она не знает. Она только догадывается. Но если ты будешь медлить, догадки превратятся в уверенность. И тогда всё пропало.

— А если нас поймают?

— Не поймают, если ты не будешь трусом. Ты же не трус, Пьер?

Анна затаила дыхание.

Пьер Леклерк. Горный проводник. Человек с обветренным лицом и открытой улыбкой. Он что-то замыслил вместе с фройляйн Кляйн. Что-то, о чём не должна была знать мадам Дюбуа. Что-то, что должно было случиться этой ночью.

— Хорошо, — сказал Пьер после долгой паузы. Голос его звучал подавленно, как у человека, который соглашается против воли. — Сегодня. После того, как все уснут.

— Вот и славно. — В голосе Иды послышалось удовлетворение. — Ты знаешь, что делать. И помни: он не должен ничего заподозрить

Анна услышала шаги — они направлялись в её сторону. Она быстро, насколько позволял снег, отступила в тень и прижалась к стене. Сердце колотилось. Фройляйн Кляйн прошла в нескольких шагах от неё, не заметив, и скрылась за дверью. Через минуту вышел Пьер. Лицо его было мрачным. Он постоял, глядя на горы, засунул руки в карманы и тоже ушёл.

Анна выдохнула и поняла, что замёрзла до дрожи.

«Он не должен ничего заподозрить». Кто — «он»? О ком они говорили? Что должно случиться этой ночью?

Она вернулась в отель. Холл встретил её теплом камина и привычным тиканьем часов. Всё было как прежде. И в то же время — всё изменилось. Теперь она знала точно: в отеле что-то происходит. Что-то опасное. И она, Анна Воронцова, — единственная, кто об этом догадывается.

Вечером был ужин.

Мадам Дюбуа впервые появилась лично. Она спустилась по лестнице ровно в восемь, как и обещал Клаус, и Анна наконец увидела хозяйку отеля.

Мадам Дюбуа оказалась именно такой, какой Анна её представляла — и в то же время совершенно другой. Высокая, статная, с царственной осанкой. Ей было за шестьдесят, но возраст не сломил её, а лишь отточил черты — как ветер точит скалу, делая её только крепче. У неё было властное лицо с резкими скулами и глубоко посаженными глазами. Волосы — совершенно седые, уложенные в высокую причёску. Платье — чёрное, строгое, с единственным украшением: брошью в виде горного цветка.

Она вошла в малую столовую и одним взглядом заставила всех замолчать.

— Добрый вечер, дамы и господа, — произнесла она. Голос был низкий, с хрипотцой, но твёрдый. Такой голос бывает у людей, которые привыкли командовать и не привыкли, чтобы им перечили. — Я мадам Дюбуа. Для тех, кто не знает. Прошу извинить, что не поприветствовала вас раньше. Дела.

Она села во главе стола, и Клаус тут же подал ей тарелку. Ужин начался.

Анна ела молча, наблюдая. Мадам Дюбуа сидела, как королева на троне, и её присутствие ощутимо меняло атмосферу. Даже Генри Уолш, который за обедом трещал без умолку, теперь помалкивал. Маргарет Хейз перестала крошить хлеб и замерла, как мышь перед удавом. Эдвард Хейз смотрел в тарелку. Фройляйн Кляйн, единственная из всех, сохраняла спокойствие — она методично резала мясо и отправляла куски в рот, не глядя на хозяйку.

— Надеюсь, вам удобно, — сказала мадам Дюбуа, хотя это не было вопросом. — «Вайсхорн» — старый отель. Ему больше ста лет. Мой покойный муж купил его, когда мы только поженились. С тех пор здесь многое изменилось, но дух остался прежним. Горы не любят суеты.

— А что случилось с вашим мужем? — спросил Генри.

Тишина за столом стала абсолютной. Анна заметила, как Клаус, стоявший у буфета, замер. Как Пьер, сидевший в дальнем конце стола, перестал жевать. Как фройляйн Кляйн подняла глаза от тарелки и впервые за вечер посмотрела прямо на мадам Дюбуа.

Хозяйка отеля медленно положила вилку.

— Мой муж погиб, — сказала она ледяным тоном. — Давно. Это не та тема, которую я обсуждаю с гостями.

— Прошу прощения, — Генри примирительно поднял руки. — Я не хотел быть бестактным. Профессиональная привычка. Журналистское любопытство.

— Журналистское любопытство, — повторила мадам Дюбуа, и в её голосе послышалась едва уловимая насмешка, — часто приводит туда, куда не следует. Будьте осторожнее, мистер Уолш. В горах это особенно опасно.

Ужин закончился в молчании.

Анна поднялась к себе. Вечер тянулся долго. Она лежала на кровати и прислушивалась. Где-то внизу часы пробили девять. Половину десятого. Десять. Отель постепенно затихал. Шаги в коридоре становились реже. Голоса стихали.

Анна ждала.

Она не знала точно, чего именно ждёт. Но она помнила слова, услышанные на террасе: «Сегодня ночью. После того, как все уснут». И ещё: «Он не должен ничего заподозрить».

Кто — «он»? И что должно случиться?

Часы пробили одиннадцать. Анна надела пальто поверх ночной рубашки, сунула ноги в туфли и приоткрыла дверь. В коридоре было темно, только в дальнем конце горел ночник — тусклая лампочка под потолком.

Она выскользнула из номера и бесшумно пошла по коридору. Третья ступенька скрипнула, и Анна замерла. Тишина. Она двинулась дальше.

В холле было пусто. Камин почти догорел, только угли тлели алым. Часы тикали. Анна огляделась. Куда они могли пойти? Что они задумали?

И вдруг она услышала звук. Где-то внизу, под полом. Глухой удар. Потом — шаги. Торопливые, но осторожные.

Подвал? В отеле есть подвал?

Анна огляделась. Она помнила дверь рядом с кухней — ту, которую она приняла за чулан. Но что, если это не чулан? Что, если это вход в подвал?

Она двинулась туда. Дверь была приоткрыта. Из-под неё пробивался свет — тусклый, колеблющийся, как от свечи.

Анна замерла у двери и прислушалась. Голоса.

— Давай быстрее, — шептала фройляйн Кляйн. — У нас мало времени.

— Я делаю всё, что могу, — отвечал Пьер. — Она заперта. Нужно подобрать ключ.

— Так подбирай! У тебя что, глаз нет? Или рук

Звук металла о металл. Звяканье ключей. Пьер что-то открывал. Что-то, что было заперто.

Анна затаила дыхание и заглянула в щель.

Она увидела каменные ступени, уходящие вниз. На стене дрожал огонёк свечи. Две фигуры склонились над чем-то — кажется, над старым сундуком или ящиком, стоявшим у дальней стены. Пьер возился с замком. Ида стояла рядом, держа свечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.